

Девочка с медалью

С.Н. Полторак

Как историк и как человек, родившийся и выросший в Ленинграде, я всю жизнь примеряю Блокаду на себя. В детстве, в конце 1950-х – начале 1960-х годов, я жил на углу Фонтанки и ул. Мясникова, напротив дома композитора В.П. Соловьева-Седого. Однажды зимой между нашими домами построили декорации и стали снимать фильм о блокаде. Кажется, он назывался «Балтийское небо». На моих глазах много раз снимали один и тот же эпизод: военный человек с вещмешком за плечами подходил к развалинам дома, по разбитой лестнице поднимался на второй этаж, садился на чудом сохранившуюся кровать в комнате, держа в руках поднятую с пола детскую игрушку. Мне тогда было лет пять-шесть, может, немного больше, но я хорошо помню, как щемило сердце, как жалко мне было того военного и его семью, хотя я и понимал, что все, что я видел, происходило понарошку. Понимал, но на душе все равно было тяжело. То была моя ненастоящая Блокада, которую я тогда начал осмысливать, воспринимать всем своим существом.

С тех пор я не просто узнавал о той тяжелой странице жизни Ленинграда, а впитывал в себя все, что мог о ней узнать: книги, статьи, мемуары, рассказы людей, переживших те горькие и героические дни. Чем дольше живу, тем больше стараюсь узнать и прочувствовать. Мой близкий друг, бывший в блокаду совсем малышом, рассказывал, как родная тетя однажды буквально вырвала его из рук каннибала. Соседка по коммуналке, вдова Героя Советского Союза, радовалась тому, что не сожгла в буржуйке свои самые любимые книги. Профессор-историк, защищавший город с винтовкой в руках, смущаясь, признался мне, что в свободные от службы минуты охотился с рогаткой на воробьев, которых варил в солдатском котелке. Так – впечатление к впечатлению –

я складываю собственное понимание того, что было в те годы.

Недавно в редакцию журнала «История Петербурга» приезжала Вера Антоновна Поздышева (Романик). Приехала после одного из моих выступлений по радио. Скромный и очень стеснительный человек, она категорически не хотела ничего рассказывать о себе. Собственно, ничего и не рассказала. Но разрешила ознакомиться с некоторыми документами из ее личного архива, а потом передала письмо, из которого я тоже многое узнал и прочувствовал впервые. Вспоминая нашу встречу в редакции, она писала: «...как-то так получилось, что наш разговор свелся только к трудовым успехам блокадных школьников, которые были отмечены медалями “За оборону Ленинграда”. За неимением времени я не смогла рассказать о том, насколько шире была деятельность таких ребят. Конечно, я могу судить в основном по нашей школе, но, думаю, и в других школах ученики тоже проявляли активность в контактах с фронтовиками, с ранеными в госпиталях. У нас была очень грамотно организована самодеятельность: был сильный хор, ставились разные танцы народов нашей страны и мира, постоянно создавался литмонтж. С концертами мы ездили в воинские части, на заводы, в госпитали, выступали по радио. Эти поездки начались еще до прорыва блокады! Как нам радовались зрители! Ведь мы были для них знаком, что город живет и борется».

Мы писали на фронт, посылали хоть какие-то подарки. Были созданы тимуровские команды, которые ходили по домам, помогали больным и ослабевшим. Подростки участвовали в сооружении заградительных точек, поскольку всегда оставалась опасность возникновения уличных боев с прорывавшимся в город противником.

Но не было забыто и основное наше дело – учеба. Недаром наша

школа была признана лучшей в стране, а в нашем актовом зале висело бархатное Красное знамя. Наверное, всего сразу и не вспомнить. А ведь где-то в кадрах кинохроники, может быть, сохранились кадры документального фильма о приеме нас в пионеры, а в архивах радио – записи наших выступлений.

Вы и ваши аспиранты заняты другими делами и проблемами. Но придут другие аспиранты, будет поиск тем для кандидатских диссертаций. А разве не могла бы диссертация на тему “Юные участники обороны Ленинграда” быть с успехом защищена?»

Могла бы, дорогая Вера Антоновна, могла бы. И не сомневаюсь, что скоро будет. Пример Ваших сверстников и Вас самой не может не вызывать интерес – научный, просто человеческий. Мне многое до сих пор не понятно. Вот смотрю документы: почетная грамота, выданная школьнице Вере Романик за хорошую работу в совхозе «Красная заря», что был возле самого Комендантского аэродрома, табель об окончании третьего класса 47-й школы г. Ленинграда, в котором только «отл.». Оба документа датированы 1943 годом. Откуда были силы и вдохновение так трудиться, Вера Антоновна? В заблокированном городе Вы жили своей удивительно насыщенной жизнью. Вот «Мандат делегата 1-го слета юных пионеров города Ленинграда» № 132 от января того же года. Как же Вы «слетались», дорогие мои, в ту страшную зиму? Правда, Вы рассказывали мне, что тот слет почему-то не состоялся. Со временем попробую разобраться, почему. Может, Вы и запомнили что-то, ведь столько лет прошло, да и были Вы тогда совсем ребенком.

А вот Вы, вероятно, уже четвероклассница. На груди – медаль «За оборону Ленинграда». Похожая фотография, на которой Вы – вместе с четырьмя сверстницами-медалистками – в декабре 1943

года была опубликована в журнале «Огонек», сделав Вас знаменитыми на всю страну.

А вот другая фотография: на ней Вы и Ваши одноклассники в декабре 1942 года рядом с Героем Советского Союза военным летчиком Евгением Ефимовичем Ерлыкиным. Звездой Героя он был награжден еще в марте 1940 года, за боевые действия на советско-финляндском фронте. Тогда, командуя 59-й истребительно-авиационной бригадой 7-й армии, он добился удивительного успеха: его летчики уничтожили в общей сложности 131 самолет противника, не потеряв при этом ни одной боевой машины. В годы Великой Отечественной войны он стал генерал-майором, командовал авиационным корпусом, был награжден тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями. В Советской армии Е. Е. Ерлыкин служил до 1956 года. Выйдя в запас, жил в Ленинграде, скончался в 1969 году¹.

Получилось так, что короткая встреча с Верой Антоновной, знакомство с ее документами и фотографиями военной поры помогли мне увидеть новые грани событий того времени, за что я ей сердечно благодарен.

Искренне признателен я и другой ленинградке – Людмиле Степановне Савченко – дочери подполковника Степана Васильевича Савченко, служившего в годы блокады начальником политотдела МПВО Ленинграда. Людмила Степановна передала мне

ряд документов, изучение которых помогло проследить жизненный путь достойного человека, офицера, сыгравшего заметную роль в приближении нашей Победы.

Трудно было не обратить внимание на несколько довоенных фотографий и документов. Вот фото 1926 года, на котором комсомольский вожак Степан Савченко (во втором ряду справа) со своими товарищами по Красногорской комсомольской организации на губернской конференции в г. Брянске.

Задерживаю взгляд на записи от 19 октября 1934 года: «Исключен из ВКП(б) за примиренческое отношение к срыву хлебозаготовок и

потерю классово-бдительности». Через четыре месяца, в феврале 1935 года, Степан Васильевич в партии был восстановлен, но представляю, сколько он бессонных ночей провел в переживаниях, сколько порогов оббил в поисках справедливости! В том же году он познакомился в Ленинграде со своей будущей женой, двадцатитрехлетней Катей Семеновой. Красивая, обаятельная – на нее трудно было не обратить внимание. 22 октября 1935 года газета «Легкая индустрия» опубликовала ее фото. На снимке нормировщица модельного цеха трикотажной фабрики «Красное знамя» Е. В. Семенова выступила в роли модели, демонстрируя новую продукцию предприятия – лыжный костюм. Странно было бы не влюбиться в фотомодель. Катя и Степан вскоре поженились. В 1941 году жену и годовалого сына Борю он отправил в Ярославль, на родину Екатерины Владимировны. Дочь Людмила родилась уже после войны.

Всю блокаду С. В. Савченко провел в осажденном городе. В сентябре 1942 года его назначили начальником политотдела МПВО. Хлопотная должность, сложная. Долгое время большая часть подчиненных была людьми гражданскими. Только в конце войны на бойцов МПВО надели погоны. Руководить многочисленным коллективом гражданских людей, выполнявших военные задачи, очень тяжело.

Я прочитал несколько статей, опубликованных майором, а позже подполковником С. В. Савченко в «Ленинградской правде», газете Ленинградского фронта «На страже Родины», в газете местной противовоздушной обороны Ленинграда «Боец МПВО». Сколько героических имен, сколько важных цифр и замечательных человеческих поступков!

В биографии война-блокадника С. В. Савченко есть еще одна интереснейшая для историка страница. Уже после войны, в феврале 1947 года, он был назначен начальником антифашистского отделения политотдела управления МВД Ленинградской области. С 1948 по 1949 год его должность называлась проще – заместитель начальника политотдела лагерей для военнопленных МВД по Ленинградской области. Эта

Е. В. Савченко с сыном Борисом. Ярославль, 1943 г.

Майор С. В. Савченко

стораница истории почти не изучена. Документы, вероятно, многие сохранились, а вот людей, которые могли бы рассказать о тех лагерях, почти не осталось. Степана Васильевича уже не спросить – его не стало еще в феврале 1970 года. Смотрю на его фотографию в военной форме: умное лицо, открытый взгляд честного человека, хлебнувшего немало на своем веку. История одного человека – не просто фрагмент нашей

общей истории, а ее самобытное явление, достойное сохранения в человеческой памяти.

Не так давно случай свел меня с вдовой защитника Ленинграда в период блокады Ю. Н. Бучинского – Людмилой Владимировной. Она трепетно хранит дневники своего мужа, которые Юрий Николаевич вел долгие годы, в том числе – всю войну. Начав службу в декабре 1940 года, он день за днем

писал о своей службе в Новом Петергофе, Горелове, Сосновой Поляне, на позиции зенитной батареи в Ленинграде, почти на берегу Финского...

Прежде я никогда не читал солдатских дневников военных лет, не доводилось как-то. Дневники Ю. Н. Бучинского поразили меня своей неприглаженностью, приземленностью, отсутствием даже намека на какое-нибудь позерство. Записи о «шамовке» соседствуют в них с рассуждением о Сталине, мечты о Победе – с вполне приземленными мечтами о наручных часах и о фотоаппарате. Отступление от напиравшего врага, стрельба по вражеским самолетам – для автора дневника дела житейские, повседневные, не совместимые с суетой, страхом. Как бы ни складывалась боевая обстановка, ни разу в записях не промелькнуло и тени сомнения в том, что наши войска одолеют врага. И эта уверенность не нарочитая, не «на всякий случай» (а вдруг прочитают сотрудники особого отдела!). По своей мальчишеской наивности боец не думал о них, иначе бы не писал откровения по поводу, например, перспективы вступить в партию: «...комсомол и то не по мне, не могу я так проводить время на собраниях и вообще заниматься общественными делами». Он – парень рукастый – умел делать все: чемодан для начальника, финку для обмена с товарищем на что-нибудь полезное, рыболовную снасть в надежде на добычу, но при желании

Сотрудники политотдела МПВО Ленинграда и редакции газеты «Боец МПВО». Сидят (слева направо): редактор М. П. Макаров, зам. начальника политотдела М. В. Смирнов, нач. политотдела С. В. Савченко, пом. нач. политотдела по комсомолу О. С. Николаева, сотрудник редакции З. Каплун. Стоят: секретарь парторганизации штаба МПВО города Г. В. Муджири, лектор А. Косолапов, инструктор М. Литвинов, секретарь-машинистка А. Малышева, инструктор В. А. Пеньковский, лектор Е. Т. Воробьев, инструктор С. Катаев, сотрудник редакции В. Коссинский

мог и для души постараться – радио в землянку провести, а то и приемник собрать из разного хлама.

Его описания блокадной действительности необычны своим ракурсом: они дают возможность взглянуть на блокаду глазами вчерашнего смышленного мальчишки из глубинки, который может при случае и пивка выпить с удовольствием, и водочкой не побрезгует, но с еще большим удовольствием потренирует на мандолине или порешает задачки по алгебре из добытого по случаю учебника.

Вот запись из его дневника от 22 июня 1941 года: «В 4 часа 30 минут начались военные действия. Сволочь Германия бомбардировала Киев, Севастополь, Житомир и др. У нас была в это время тревога № 3, т. е. боевая. Потом я ездил на полковой КП. Народу было – уйма. Жара, а я иду с винтовкой, патронами, противогазом. Девчат много, и есть очень хорошие. После ездил за артснаряжением в Старый Петергоф с Пуриановым. Гуляющих черт его знает сколько. Когда ехали назад, то еле-еле сели [в поезд?]. Вот сволочи! Мы все утро ждали полета [вражеских самолетов]. Вдали была слышна стрельба зенитной артиллерии и видны были разрывы [снарядов]».

А вот фрагмент записи от 8 ноября 1941 года: «Ближе всего немцы подошли к Ленинграду со стороны нас. Совсем себя нормально сейчас чувствую».

Наша новая пушка-автомат, изобретенная Героем Соцтруда военным инженером III ранга, не дает немцам покоя, они даже в своих листовках обещают, если мы не прекратим стрельбу, пустить газы.

Вчера немецкий самолет думал спустить листовки на Ленинград,

но его не пустили, и он сбросил их у себя».

Меня эти записи больше всего поражают своей интонацией: молодой солдат писал о повседневных событиях так, словно описывал впечатления о посещении театра или о встрече с приятелями – удивительно!

А вот еще один блокадный дневник. Его автор – И. Д. Зеленская, пятидесятилетняя ленинградка с удивительной волей и выдающимся интеллектом. В книгу опубликованных воспоминаний, подготовленных к печати учеными из Санкт-Петербургского института истории РАН, вошли также воспоминания П. И. Сеничева о Ленинградском судостроительном заводе им. А. А. Жданова и В. М. Пименова – о работе военного отдела Володарского райкома ВКП(б)².

В дневниках И. Д. Зеленской есть наипривлекательнейшие наблюдения, которые во многом сегодня уже выветрились из памяти людей. Примеров тому множество. Вот что писала Ирина Дмитриевна 7 декабря 1942 года: «Да, безусловно, мы ожили и вернулись к нормальному восприятию жизни в эту зиму. Сегодня, идя по улице, я наткнулась на такую сцену: стояла группа женщин, чистивших снег, рядом из громкоговорителя звучал веселый плясовой мотив. И одна из женщин очень ловко откалывала па русского, ловко и задорно, несмотря на неуклюжую, громоздкую обувь. Она плясала ко мне спиной. Я обогнула ее и заглянула в лицо. Это была типичная изможденная ленинградка, немолодая, желтолицая, нездорового вида. Но у нее была улыбка во весь рот, и все вокруг нее улыбались, и метельщицы, и встречные прохо-

жие. Разве можно было увидеть что-либо подобное в прошлую зиму? Наша молодежь, жившая полтора года как беспольные существа, стала ухаживать и влюбляться, и когда кто-то вздумал разводить мораль на эту тему, я сказала: «Я так радуюсь всякому пробуждению жизни после ужасной мертвечины, в которую мы целый год были погружены, что готова смотреть благожелательно даже на эти маленькие романы мужей эвакуированных жен». Все лучше, чем эта подавленность всех живых инстинктов, владевшая нами больше года. И сейчас еще многие недоедают, на улицах, в трамваях полно дистрофиков. Сегодня мне говорили, что резко увеличилось поступление их в больницы, увеличилась смертность, кто-то уже видел трупы на улицах, но это все не то, не тот беспросветный мрак, что мы переживали прошлой зимой»³.

Вот какое удивительное наблюдение! А для большинства современников вся блокада – без оттенков и полутонов.

А вот еще одна удивительная запись, сделанная 19 декабря 1942 года, когда до конца блокады оставалась целая вечность: «Еще не видно, когда и как разомкнется это убийственное кольцо. А в газете – маленькая заметка – художники, архитекторы, историки Ленинграда собирают материалы для для восстановления исторических пригородов Ленинграда, лежащих сейчас в развалинах. Трудно передать, как могут взволновать и наполнить надеждой такие вещи»⁴.

Ни на эмоциональном уровне, ни на основе научных изысканий невозможно в полной мере постичь истоки такого мужества. Его нужно постигать всю жизнь.

¹ Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1. М.: Воениздат, 1987. С. 483; Долгов И. А. Золотые звезды калининцев. 3-е изд., доп. и перераб. 1983. Кн. 1. С. 80–81.

² «Я не сдамся до последнего...»: Записки из блокадного Ленинграда / Сост. В. М. Ковальчук (отв. ред.), А. И. Рупасов, А. Н. Чистиков. СПб.: Нестор-История, 2010. 212 с.

³ Там же. С. 129.

⁴ Там же. С. 131.

